

«Две просьбы» в двух «Нервах»

С 1986 года, когда стало можно говорить о Владимире Высоцком в полный голос, каждая годовщина рождения или смерти поэта так или иначе отмечается, время от времени открываются памятники и мемориальные доски. И ни один год, конечно, не обходится без новых изданий. Правда, резерв неопубликованного материала если и не исчерпан, то близок к тому, но вот повышение научного качества публикаций пока издателям не дается. Поэтому наблюдать за «полкой Высоцкого» сейчас не так увлекательно, как еще два года назад. Но Высоцкого издают, потому что книги его покупают, потому что хорошая литература по-прежнему читаема в России. В этом году запланировано по крайней мере два многотомных издания Владимира Семеновича. Но не о них хочется говорить, а о тонкой брошюре, которую и новинкой-то можно назвать лишь отчасти.

Очередное, не менее чем пятое по счету, издание «Нерва» — первого сборника стихов Высоцкого — промелькнуло в книжных лавках Калининграда очень быстро. От всех предыдущих его отличает не только формат, оформление, непричастность к выпуску издательства «Современник», но и — главное — отсутствие той цензурной правки, которая, начиная с 1981 года, почти полностью переносилась в каждое новое издание.

Выход этой книжки — скорее символический акт, чем функциональный: практически все стихи Высоцкого

неоднократно уже издавались в соответствии с автографами. Но пусть он станет поводом задуматься над судьбой художественных текстов, порой весьма затейливой даже на малом историческом отрезке. В «Нерв» вернулись «Две просьбы». И это небольшое предзакатное стихотворение Владимира Семеновича можно считать примером такой судьбы.

Первые «Две просьбы» вошли в «Нерв» в 1981 году, второй раз в последнее издание сборника. Сравнительно два текста, не сразу заподозришь, что восходят они к одному автографу,

столь щедрой оказалась фантазия редактора первого варианта («Чту Фауста ли, Дориана Грея ли...» — по первой строке отредактированного текста). Правка была столь значительной, что уже во втором издании «Нерва» стихотворение было опущено. В реестр исправлений входит изъятие 9 строк из 26, посвящения, названия, изменение ряда слов, введение неавторского стиха. Но нет смысла обличать редакторский произвол. Его, быть может, еще стоит и оправдать желанием в 1981 году представить читателям хоть рожки да ножки замечательного неспетого стихотворения Высоцкого. А вот понаблюдать за логикой изъятий — интересно.

Понятно, что она подчинена не злему умыслу, а стремлению уместить ПОЭМА в ту колею, В КОТОРОЙ ОДНОЙ и возможно БЫЛО существование советского литератора. А он может черпать вдохновение только в светлых общественных идеалах, не в них — так в чемнибудь нейтральном, но уж не в болезненном бреду, не в угаре опьянения. Поэтому семь горьких, исповедальных строк не мог-

ли попасть в сборник:

Мне снятся крысы, хоботы
и черти. Я
Гоню их прочь, стеная
и браня,
Но вместо них я вижу
виночерпия —
Он шепчет: «Выход есть.
К исходу дня —
Вина! И прекратится
толкотня,
Виденья схлынут, сердце
и предсердие
Отпустит, и расплавится
броня!».

Не менее важной характеристикой официального литератора было отношение его к религии, весьма желательное неверие в Бога. Советский писатель не должен нуждаться в этом допущении для разгадки тайн мира. В стихах столь «неблагонадежного» автора, конечно, подверглись изъятию все упоминания Бога, выходящие за рамки чисто лексического оборота. Редактор даже проявил умение превращать фактическое обращение в риторическое легким движением запятой:

Ты эту дату, боже,
сохрани, —
Не отмечай в своем
календаре...

Ты эту дату, Боже,
сохрани, —
Не отмечай в своем

календаре;
умение поправить автора
своею собственной рукой,
когда тот опасно отклоняется от колеи: вместо строки «Побойтесь Бога, если не меня» возникло не лишенное изящества «в тот

день, когда отпустите меня», отсутствующее вообще в авторском тексте. Изъято подобное обращение и в третий раз: вместо «От них от всех, о Боже, охрани» — читаем «скорее защити и охрани!» Можно было бы порадоваться профессионализму редакторской руки, если бы не выдала она странное убеждение, что агнец и ангел — одно и то же. Неведомый редактор заставил в своем варианте жалобно блять... ангелов. Правда, остается надежда, что в недоразумении виноват наборщик.

Некогда анкеты имели пункт о порочащих связях. И хотя молва сделала общеизвестным наличие у Владимира Высоцкого друзей за границами СССР, печатный станок строго соблюдал табу на их имена. «Две просьбы» имели посвящение: «М. Шемякину — другу и брату — посвящен сей полужэкспромт». Но эмигрант — «не друг и не родственник» советскому поэту. Посвящение было снято. Наверное, вместе с ним изъяли и слово «холст», чтобы исключить ненужные иллюзии.

Теперь и название оказалось ни к чему — ведь слово «Просьба» предполагает адресата, имя которого в тексте уже не фигурирует.

То, что в первом издании «Нерва» представлен иной авторский вариант, маловероятно. Более всего этому противоречит именно строгая логика искажений текста,

ее цензурная направленность. Кроме ТОГО, автор определяет «Две просьбы» как полужэкспромт, поэтому едва ли текст подвергался существенной авторской переработке. Таким образом, стихотворение «чту Фауста ли, Дориана Грея ли», вошедшее в «Нерв» и прозвучавшее на пластинке фирмы «Мелодия» в исполнении В. Абдулова, не является произведением Владимира Высоцкого. Правка текста повлекла за собой разрушение всего художественного целого «Двух просьб». Ключевые для произведения художественные черты — исповедальность, экспрессия, молитвенность — ослаблены до минимума. Написанное в форме обращения, стихотворение стало ближе к лексическому монологу. И главное — эмоционально-образная картина, созданная Высоцким, пропала под редакторским пером. От нее читателю осталось лишь холодящее предчувствие смерти, видимо, слишком неотъемлемое для наших писателей.

Любое насилие над текстом неизменно оборачивается насилием над художественной правдой. Но Высоцкий уже в который раз упорно «уходит из границ». Бесцензурное издание «Нерва» еще можно найти на книжных прилавках. Ценители искусства Высоцкого не должны эту книгу пропустить.

С. СВИРИДОВ,
IV курс фил. факультета 3/о.